

— Сянь-гэ! Янь-гэ в лихорадке! — утро началось с того, что Линь Минь принялась трясти Сянь Чэньюэ.

Сянь Чэньюэ открыл глаза, приподнялся на одном локте и повернул голову к лежащему рядом Су Яню. Рана Су Яня всё ещё кровоточила, он покрылся холодным потом, но лицо его пылало. Сянь Чэньюэ протянул руку и тыльной стороной ладони коснулся лба больного.

Даже без термометра по одному прикосновению было ясно, что температура перевалила за тридцать восемь градусов.

В реальности лихорадка — не такая уж большая беда: если не помогают таблетки, можно сделать укол, если не помогает укол — поставить капельницу. Пока дело не дошло до критически высокой температуры, жизни ничего не угрожает.

Но здесь всё иначе.

В Зазеркалье человек может получить ранение, а выйдя наружу, остаться невредимым — даже если в игре он лишился руки или ноги. Но если человек умирает в Зазеркалье, он умирает по-настоящему.

Линь Минь, вытирая слёзы, спросила:

— Сянь-гэ, что же нам делать?

Сянь Чэньюэ не особо хотелось вмешиваться. Он уже сделал всё, что мог, когда вытащил Су Яня. А выкарабкается ли тот — его личное дело.

Но Линь Минь думала иначе. Она встала с кровати, обулась и сказала:

— Сянь-гэ, присмотри за ним, я скоро вернусь.

Она добавила с серьёзным видом:

— Я учусь на медсестру, хоть и первый курс, но я попробую что-нибудь придумать.

Линь Минь на удивление перестала заикаться. Сянь Чэньюэ не стал ей отказывать. Юная девушка, полная жизни, — стоило страху немного отступить, как ей тут же захотелось сделать что-то для других. Но деревня такая крошечная и бедная, что тут можно сделать?

В комнате остались только Сянь Чэньюэ и Су Янь. Впрочем, учитывая, что Су Янь был без сознания, можно сказать, что Сянь Чэньюэ был один. Глядя на лицо Су Яня, он вспомнил, как тот вчера просил его уйти.

Искренность или притворство — он видел разницу.

Раньше Су Янь говорил много красивых слов, на которые Сянь Чэньюэ не обращал внимания. У каждого есть рот, и то, что человек говорит, не всегда совпадает с тем, что у него на уме.

Но вчера Су Янь говорил правду.

Он действительно отказался от собственной жизни. И даже смог спокойно позволить Сянь Чэньюэ уйти, не выказав ни капли желания бороться за выживание.

Станный человек.

Сянь Чэньюэ принёс ведро колодезной воды, снял со лба Су Яня тряпицу, заново смочил её, отжал и приложил обратно. Затем он осмотрел рану на ноге. Вчера времени было в обрез, Линь Минь сделала лишь самую простую повязку, а ночью идти за водой было опасно, так что рану смогли лишь кое-как протереть.

Если он выживет после такого — значит, у Су Яня поистине железная хватка.

К полудню Линь Минь наконец вернулась. Только её нога коснулась порога, как снаружи грянул гром, и хлынул ливень. Дождь был таким яростным, будто небо решило разом вылить всё, что накопилось за долгое время.

Линь Минь испугалась, от грохота грома едва не выронила то, что принесла, но в последний момент крепко прижала свёрток к себе.

Не дожидаясь расспросов, она присела на пол и заговорила:

— Я ходила к старосте деревни. Там есть местный знахарь, у него нашлось средство для остановки крови — нужно растереть его в кашицу и приложить. А от жара есть только обычные таблетки от простуды. Не знаю, помогут ли, но другого выхода нет.

Она потрогала свою шею — цепочки, что была на ней раньше, больше не было. Платиновая цепочка с кулоном в виде капли из рубина — в итоге она обменяла её на копеечные в реальности травы, старый разбитый глиняный горшок и немного древесного угля для розжига.

Линь Минь тут же принялась за дело: развела огонь, поставила отвар, а затем начала тереть камнями, найденными на улице, лекарственные травы.

Сянь Чэньюэ мельком взглянул на лекарства — всё было верно. В детстве он собирал травы и знал, что от чего помогает, но лишь самое основное. Он не был врачом и не умел составлять рецепты.

Десятки тетрадей с рецептами, написанными рукой его деда, после его смерти пылились в шкафу у матери — наследников не было. Она говорила, что если не найдёт достойного человека, отдаст их в больницу традиционной китайской медицины, если те не побрезгуют.

Линь Минь не просила Сянь Чэньюэ о помощи, сама промыла рану Су Яню, наложила лекарство, перебинтовала и стала ждать, пока отвар будет готов.

Сидя у кровати, она посмотрела на Сянь Чэньюэ, который устроился на стуле у окна, и внезапно спросила:

— Сянь-гэ, если завтра будет дождь, нам придётся заделать окно, верно?

Иначе как быть, если вода продолжит заливать комнату?

Сянь Чэньюэ кивнул:

— Как только дождь немного стихнет, я найду, чем закрыть проём.

— Спасибо тебе, Сянь-гэ.

Сянь Чэньюэ коротко ответил «угу». Он наблюдал, как Линь Минь пытается напоить Су Яня отваром, но тот крепко сжал зубы. Линь Минь с мольбой посмотрела на него.

Сянь Чэньюэ подошёл и без усилий разжал челюсти Су Яня. Сначала он хотел вывихнуть ему нижнюю челюсть, чтобы удобнее было заливать лекарство, но, вспомнив, что тот и так одной ногой в могиле, решил не усугублять.

Линь Минь осторожно, ложка за ложкой, влила отвар.

Теперь оставалось только ждать и надеяться на живучесть Су Яня.

Сегодня был последний день. Завтра староста придёт забирать жертву. Точного времени ритуала они не знали, и Линь Минь не находила себе места. Ей казалось, что она что-то упустила, но никак не могла понять, что именно.

Дождь снаружи не утихал, вызывая лишь раздражение и тревогу.

Как только ливень немного ослаб, Сянь Чэньюэ вышел из дома. Он направился напрямик к тётушке, которая угощала его арахисом. Она жила одна: по её словам, сын уехал в город работать на маслобойне, муж давно умер, а родня жила в другой деревне.

Тётушка оказалась добродушной: не только нагрела воды, чтобы Сянь Чэньюэ мог помыться, но и отдала ему ненужные доски и гвозди.

— Просто приберй их, и всё, — улыбаясь, сказала она, глядя, как Сянь Чэньюэ вытирает волосы. Она протянула ему чашку горячего чая — на самом деле это был настой из сушёной жимолости с парой чайных листьев.

Сянь Чэньюэ не спешил уходить. Он сидел в комнате и разговаривал с тётушкой. Большую часть времени говорила она, а он лишь слушал.

— Завтра дождь закончится, — тётушка вытянула шею, глядя в окно, и улыбнулась. — Всегда так бывает, до и после ритуала всегда льёт.

— Кому приносят жертвы? — спросил Сянь Чэньюэ.

Тётушка замерла, словно не ожидала такого вопроса, и вздохнула:

— А кому ещё?

Она ответила вопросом на вопрос, не дав прямого ответа, лишь добавила:

— Плащ из соломы висит у стены, завтра принесёшь обратно. Заходи, если будет время, мне тут одной скучно.

Она проводила его до порога и смотрела вслед, пока его фигура не скрылась под дождём. Она прислонилась к дверному косяку, и взгляд её стал необычайно мягким.

Когда Сянь Чэньюэ исчез из виду, она вернулась в комнату.

Комната была крошечной, с окном размером всего в два вершка, поэтому даже в солнечный день здесь было темно и сыро. В этом тесном пространстве стоял высокий деревянный постамент. Она отодвинула занавеску, посмотрела на стоявшую там табличку, сняла её и принялась бережно протирать чистой тряпицей.

Сверкнула молния, белый свет упал на её лицо, и её вечно добрая, благостная улыбка сползла. Уголки губ опустились, кожа на лице обвисла. Она прищурилась, крепко сжимая поминальную табличку в руках.

Из-за ливня стемнело ещё сильнее, и стало невозможно понять, где грань между днём и ночью. Сянь Чэньюэ, вернувшись, снял соломенный плащ и повесил на стену. В комнате стоял густой запах лекарств.

— Сянь-гэ... — голос мужчины звучал слабее, чем раньше.

Сянь Чэньюэ обернулся. Су Янь смотрел на него, лицо его горело от лихорадки, но глаза светились пугающим блеском. Сянь Чэньюэ слегка кивнул в знак ответа.

Линь Минь радостно добавила:

— Янь-гэ только что очнулся! Кстати, Сянь-гэ, приходил Чэнь Вэй, сказал, что хочет с тобой поговорить.

— Сянь-гэ, — снова позвал Су Янь.

Сянь Чэньюэ посмотрел на него. Су Янь прошептал:

— Побудь со мной, поговори.

— О чём? — Сянь Чэньюэ нахмурился.

— О чём угодно, — слабо ответил Су Янь. — Линь Минь так устала, пусть поспит.

Линь Минь, которая прошлой ночью спала всего три часа, действительно валилась с ног. Ей не мешал запах лекарств, она забралась под одеяло и сказала:

— Болтайте, я быстро усну, у меня отличный сон.

Заботливая девчонка.

Сянь Чэньюэ сел рядом с Су Янем и приподнял бровь:

— Говори.

Голос Су Яня был едва слышным, хриплым и низким — он действовал как снотворное.

— Сянь-гэ, спасибо тебе.

Несмотря на слабость, в его словах чувствовалась глубокая признательность. Сянь Чэньюэ поджал губы:

— Пустяки.

— Для тебя пустяки, а для меня — спасённая жизнь.

Он смотрел на профиль Сянь Чэньюэ, пытаясь понять, что должно произойти, чтобы на этом лице промелькнула хоть какая-то эмоция. С самой первой встречи ему хотелось сорвать эту невозмутимую маску и посмотреть, что скрывается внутри.

Сянь Чэньюэ смотрел на него спокойно, почти равнодушно. Су Янь ответил тем же.

— Хватит врать, — голос Сянь Чэньюэ был ровным, без тени эмоций.

Его тёмные, как бездна, глаза, казалось, видели души насквозь. Су Янь перестал изображать улыбку и отвёл взгляд:

— Никому до меня нет дела. Мои близкие, друзья — на словах они все такие хорошие, но стоит мне попасть в беду, как они только и ждут, чтобы я не выкарабкался, а потом ещё и пнут напоследок.

Он говорил так естественно, словно рассказывал обычную историю:

— Иногда мне кажется, что таким, как я, и жить-то незачем. Сколько бы денег ни было, того, что действительно нужно, всё равно не получить. Никто никогда не делал мне добра просто так, не требуя ничего взамен.

Он моргнул, словно вспомнив что-то трогательное, и с трудом сдержал слёзы.

— Вот почему я сказал: Сянь-гэ, для тебя это мелочь, а для меня — всё. Звучит немного приторно, — он усмехнулся, — надеюсь, ты не станешь меня презирать.

Сянь Чэньюэ выслушал его, но не проронил ни слова. Спустя некоторое время он взял доски и гвозди, подошёл к окну и, повернувшись к Су Яню спиной, бросил:

— Как хочешь.

Су Янь лежал на кровати и, когда Сянь Чэньюэ не видел, позволил себе улыбнуться. Он чувствовал, что вполне заслуживает «Оскара» за свою игру.

Он упивался своим актёрским мастерством, преодолевая боль, когда вдруг услышал голос Сянь Чэньюэ:

— Тебе лучше поправиться как можно скорее. Иначе во время ритуала ты умрёшь.

Улыбка застыла на лице Су Яня.

Сянь Чэньюэ закончил забивать окно, убедился, что всё плотно пригнано, положил молоток на стол и, широко шагая, направился к выходу.

Су Янь в спешке повернул голову:

— Сянь-гэ, уже темнеет, ты куда?

— К Чэнь Вэю, — ответил Сянь Чэньюэ.

Су Янь: «...»

Даже его недавнее представление не смогло остановить Сянь Чэньюэ!

<http://bllate.org/book/18701/1807461>